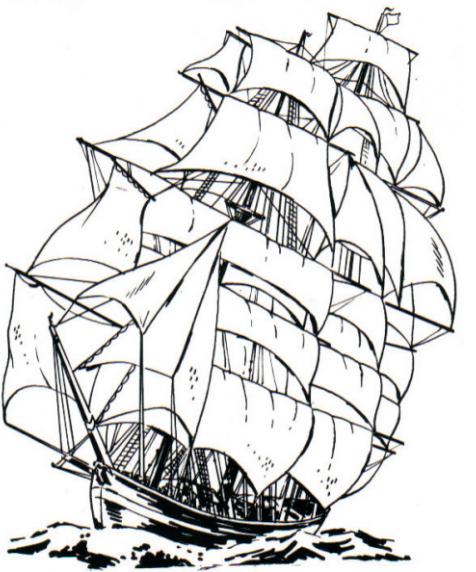


КАК ПОКАЗЫВАЮТ ЭТИ СЛОВА, о. Серафим верил в возрождение Святой Руси — хотя бы на короткое время — перед концом света...

Возможности духовного роста Святой Руси отчетливо видны сегодня на примере вдумчивых и мужественных людей, пестующих ростки духовности на пропитанной кровью земле многострадальной России.

В первые же дни февральской революции оптинский старец Анатолий Младший уподобил Россию в своем пророчестве кораблю: «И будет буря на море. И в щепки разобьется корабль Руси. Но люди, не все, некоторые, спасутся на обломках. Нужно молиться, каждый должен покаяться, а молиться должно горячо! А после бури что?... Наступит

штиль, покой». «Как же, — воззвали к старцу, — если нет корабля, значит, всему конец». «Не так, — утешил он, — будет явлено великое чудо Божье, и все останки да щепки соберутся воедино, и восстанет корабль во всей красе, и пойдет путем Божиим. И чудо это будет явлено всем».

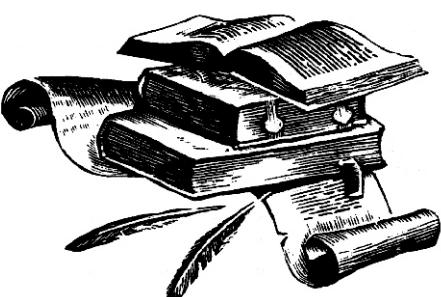


Храм св. ап. и ев. Иоанна Богослова
почтовый адрес: 656058, г. Барнаул, ул. Шумакова, 25а
тел. 8(3852)45-57-52/факс. 8(3852)45-53-52

Банковские реквизиты для пожертвований на содержание и обустройство храма
ИНН 2222023450, р/с 40703810702000000055

Алтайское отделение №8644 Сбербанка РФ г. Барнаул,
кор/с 3010181020000000604, БИК 040173604, КПП 222201001
получатель: Местная православная религиозная организация прихода
Иоанно-Богословской церкви г. Барнаула

Назначение платежа:
“Пожертвование на уставные цели”



Над выпуском работали:

Редактор протоиерей Георгий Крейдун
Артредактор иерей Сергий Прохоров
Составитель и корректор Екатерина Крейдун

• По благословению Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского •

Приходской листок

храма святого Апостола
и Евангелиста Иоанна Богослова
выпуск №2(2012 г.)

«Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы»
1 Ин. 1:5



От юности моей мнози борют мя страсти,
но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой...

Александр Солженицын
Пасхальный крестный ход

Учат нас теперь знатоки, что маслом не надо писать все, как оно точно есть. Что на то цветная фотография. Что надо линиями искривленными и сочетаниями треугольников и квадратов передавать мысль вещи вместо самой вещи.

А я недоразумеваю, какая цветная фотография отберет нам со смыслом нужные лица и вместит в один кадр пасхальный крестный ход патриаршей переделкинской церкви через полвека после революции. Один только этот пасхальный сегодняшний ход разъяснил бы многое нам, изобрази его самыми старыми ухватками, даже без треугольников.

За полчаса до благовеста выглядит приградье патриаршей церкви Преображения Господня как

топталовка при танцплощадке далекого лихого рабочего поселка. Девки в цветных платочках и спортивных брюках (ну, и в юбках есть) голосистые,



ходят по трое, по пятеро, то толкнутся в церковь, но густо там в притворе, с вечера раннего старухи места занимали, девчонки с ними перетякнутся и наружу; то кружат по церковному двору, выкрикивают развязно, кличутся издали и разглядывают зеленые, розовые и белые огоньки, зажженные у внешних настенных икон и у могил архиереев и протопресвитеров.

А парни - и здоровые, и плугавые - все с победным выражением (кого они победили за свои пятнадцать-двадцать лет? - разве что шайбами в ворота...), все почти в кепках, шапках, кто с головой непокрытой, так не тут снял, а так ходит, каждый четвертый выпимши, каждый десятый пьян, каждый второй курит, да

противно как курит, прислюнивши папиросу к нижней губе. И еще до ладана, вместо ладана, сизые клубы табачного дыма возносятся в

электрическом свете от церковного двора к пасхальному небу в бурых неподвижных тучах. Плюют на асфальт, в забаву толкают друг друга, громко свистят, есть и матюгаются, несколько с транзисторными приемниками наряжают танцевалку, кто своих марух обнимает на самом проходе, и друг от друга этих девок тянут, и петушисто посматривают, и жди как бы не выхватили ножи: сперва друг на друга ножи, а там и на православных. Потому что на православных смотрит вся эта молодость не как младшие на старших, не как гости на хозяев, а как хозяева на мух.

Все же до ножей не доходит - три-четыре милиционера для прилики прохаживаются там и

посвященной Сергею Курдякову, о. Серафим писал, что американцы, увы, еще не готовы к таким откровениям. «Если вслушаться в записи на кассете (их сейчас выпустили великое множество) одной из бесед Сергея (говорит он по-английски понятно, хотя и с огрехами), то в его страстном монологе слышится отчаяние. Да, его встречают с восторгом, овациями, и тому, что он говорит, вроде бы внемлют, но. За внешним благожелательством и сочувствием видно: его не понимают и не поймут. И это он чувствует.

«Сердце у меня было, что камень. Большой бесчувственный камень. Помню, однажды ударил по лицу человека — он читал Библию. «Не бей, не надо!» — просил он, а я бил, пока у него из носа не пошла кровь. У меня все руки были в крови. А потом мы с другом пошли на дискотеку, как ни в чём не бывало. Я даже не помыл рук! Думал: кровь, ну и что такого? Я пил, ел — страшно! — и не вымыл рук! Мне с детства внушили прекрасную мысль: мы все равны. А я даже не отмыл кровь!» Многие ли в благодушной Америке способны понять этот крик души, души воистину страдающей? Многие ли способны представить себе государственную систему, в которой молодого человека поощряют и повышают по службе за то, что руки у него в

крови верующих христиан? Многие ли отдают отчет, сколь легко повернуть на этот же путь и наше общество? «Вы не понимаете, а это страшно, — взыывает Сергей Курдяков. — Мы можем утерять последнюю возможность!»



Однако именно в жизни Сергея усматривал о. Серафим надежду России в будущем: «В грядущей православной Руси таких, как Сергей Курдяков, горящих любовью к Православию сердец, Бог даст, будет много. Они выйдут из катакомб и, закаленные исповедничеством и немыслимыми страданиями, будут много выше захиревших духом православных Зарубежья, где, увы, не только русские скверно пользуются дарованной им свободой!»

В те же времена были и другие люди, которые не соглашались «плыть» по течению официальной идеологии. Они искали правду и находили ее, проходя через большие, порой, испытания. О судьбе одного такого молодого человека рассказывается в книге «Не от мира сего», посвященной жизни иеромонаха Серафима (Роуза).

В то же время, когда на Западе вовсю зазвучал отважный голос великого русского писателя (А.И. Солженицына - ред.), другой «глас совести» порабощенного народа России вторил ему в свободном мире. То был Сергей Курдяков, двадцати одного года. В 1973 году вышла его книга «Гонитель», и тем же годом он погиб при весьма таинственных обстоятельствах, скорее всего от рук КГБ.

Вырос Сергей в России, уверовал в лживые коммунистические лозунги, в комсомоле был «на хорошем счету», и его назначили командиром особой группы для разгрома подпольных собраний верующих, их обычно избивали до полусмерти, отирали духовную литературу. Однажды, прочитав несколько страничек от руки переписанного Евангелия, он почувствовал: что-то дрогнуло в душе. Во время последнего «разгона», напав на старушку, он услышал,

как она молится на него. Это только добавило злобы: он уже занес дубинку, чтобы «прибить» старушку, но вдруг почувствовал, что какая-то сила удерживает его руку. В ужасе, заливаясь слезами, он бежал прочь. Вскоре он решился избавиться от кошмарной действительности, и ему удалось побег в Канаду. С собой он



захватил икону — благословение умирающей матери. Сам глубоко и искренне уверовал в Иисуса Христа и нередко собирал толпы, рассказывал людям о пережитом. В статье,

здесь. И мат - не воплями через весь двор, а просто в голос, в сердечном русском разговоре. Потому и милиция нарушений не видит, дружелюбно улыбается подрастающей смене. Не будет же милиция папиросы вырывать из зубов, не будет же она шапки с голов схлобучивать: ведь это на улице, и право не верить в Бога ограждено конституцией. Милиция честно видит, что вмешиваться ей не во что, уголовного дела нет.

Растесненные к ограде кладбища и к церковным стенам, верующие не то чтоб там возражать, а озираются, как бы их еще не пырнули, как бы с рук не потребовали часы, по которым сверяются последние минуты до Воскресения Христа. Здесь, вне храма, их, православных, и меньше гораздо, чем зубоскалящей, ворошащейся вольницы. Они напуганы и утеснены хуже, чем притатара.

Татары, наверное, не наседали так на Светлую Заутреню.

Уголовный рубеж не перейден, а разбой бескровный, а обида душевная - в этих губах, изогнутых по-блестному, в разговорах наглых, в хохоте, ухаживаниях, выщупываниях, курении, плевоте в двух шагах от Страстей Христовых. В этом победительно-презрительном виде, с которым сопляки пришли смотреть, как их деды повторяют обряды пращуров.

Между верующими мелькают одно-два мягких еврейских лица. Может крещеные, может сторонние. Осторожно посматривая, ждут крестного хода тоже.

Евреев мы все ругаем, евреи нам бесперечь мешают, а оглянуться б добро: каких мы русских тем временем вырастили? Оглянешься - осталбенеешь.

И ведь кажется не штурмовики 30-х годов, не те, что пасхи освященные вырывали из рук и улюлюкали под чертей - нет! Это как бы любознательные: хоккейный сезон по телевидению кончился, футбольный не начался, тоска, - вот и лезут к свечному окошечку, растолкав христиан как мешки с отрубями, и, ругая "церковный бизнес", покупают зачем-то свечки.

Одно только странно: все приезжие, а все друг друга знают, и по именам. Как это у них так дружно получилось? Да не с одного ль они завода? Да не комсорг ли их тут ходит тоже? Да может эти часы им как за дружину записываются?

Ударяет колокол над головой крупными ударами - но подменный: жестяные какие-то удары вместо полнозвучных глубоких. Колокол звонит, объявляя крестный ход.

И тут-то повалили! - не верующие, нет, опять эта ревущая молодость. Теперь их вдвое и втрое навалило во двор,

они спешат, сами не зная, чего ищут, какую сторону захватывать, откуда будет Ход. Зажигают красные пасхальные свечечки, а от свечек - они прикуривают, вот что! Толпятся, как бы ожидая начать фокстрот. Еще не хватает здесь пивного ларька, чтоб эти чубатые вытянувшиеся ребята - порода наша не мельчает! - сдували бы белую пену на могилы.



А с паперти уже сошла голова Хода и вот заворачивает сюда под мелкий благовест. Впереди идут два деловых человека и просят товарищей молодых сколько-нибудь расступиться. Через три шага идет лысенъкий пожилой мужичок вроде церковного ктитора и несет на шесте тяжеловатый граненый остекленный фонарь со свечой.

Он опасливо смотрит вверх на фонарь, чтоб нести его ровно, и в стороны так же опасливо. И вот отсюда начинается картина, которую так хотелось бы написать, если б я мог: ктитор не того ли боится, что строители нового общества сейчас сомнут их, бросятся бить?.. Жуть передается и зрителю.

Девки в брюках со свечками и парни с папиросами в зубах, в

кецках и в расстегнутых плащах (лица неразвитые, вздорные, самоуверенные на рубль, когда не понимают на пятак; и простогубые есть, доверчивые; много этих лиц должно быть на картине) плотно обстали и смотрят зрелице, какого за деньги нигде не увидишь.

За фонарем движутся двое хоругвей, но не раздельно, а

тоже как от испуга стеснясь.

А за ними в пять рядов по две идут десять поющих женщин с толстыми горящими свечами. И все они должны быть на картине! Женщины пожилые, с твердыми отрешенными лицами, готовые и на смерть, если спустят на них тигров. А две из десяти - девушки, того самого возраста девушки, что столпились вокруг с парнями, однолетки - но как очищены их лица, сколько светлости в них.

Десять женщин поют и идут сплоченным строем. Они так торжественны, будто вокруг крестятся, молятся, каются, падают в поклоны. Эти женщины не дышат папироcным дымом, их уши завешаны от ругательств, их подошвы не чувствуют, что церковный двор обратился в танцплощадку.

Так начинается подлинный крестный ход! Что-то пробрало и зверят по обе стороны, притихли немного.

За женщинами следуют в светлых ризах священники и дьяконы, их человек семь. Но как непросторно они идут, как сбились, мешая друг другу, почти кадилом не размахнуться, орарий не поднять. А ведь здесь, не отговорили б его, мог бы идти и служить Патриарх всея Руси!..

Сжато и поспешно они проходят, а дальше - а дальше Хода нет. Никого больше нет! Никаких богомольцев в крестном ходе нет, потому что назад в храм им бы уже не

забиться. Молящихся нет, но тут-то и поперла, тут-то и поперла наша бражка! Как в проломленные ворота склада, спеша захватить добычу, спеша разворовать пайки, обтираясь о каменные вереи, закруживаясь в вихрях потока - теснятся, толкаются, пробиваются парни и девки - а зачем? Сами не знают. Поглядеть, как будут попы чудаковать? Или просто толкаться - это и есть их задание?

Крестный ход без молящихся! Крестный ход без крестящихся! Крестный ход в шапках, с папиросами, с транзисторами на груди - первые ряды этой публики, как они втискиваются в ограду, должны еще обязательно попасть на картину!

И тогда она будет завершена!

Старуха крестится в стороне и говорит другой:

- В этом году хорошо, никакого фулиганства. Милиции сколько.

Ах, вот оно! Так это еще - лучший год?..

Что ж будет из этих роженых и выращенных главных наших миллионов? К чему просвещенные усилия и обнадежные предвидения раздумчивых голов? Чего доброго ждем мы от нашего будущего?

Воистину: обернутся когда-нибудь и растопчат нас всех!

И тех, кто натравил их сюда - тоже растопчат.

10 апреля 1966,
1-й день Пасхи